

16+

Виорэль Ломов

Елена Прекрасная

Мистическая повесть

Виорэль Ломов

Елена Прекрасная

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ломов В. М.

Елена Прекрасная / В. М. Ломов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Четырнадцатилетнюю Елену Краснову-Прекрасную на воспитание взяла волшебница тетушка Кольгрима. Колдунья многому научила Елену, не раз спасая ее от падений. Благодаря чародейству тетушки Лена оказалась в Париже начала XX века, где познакомилась с художником Модильяни и стала его натурщицей. В реальной жизни она стала актрисой и сценаристом.

© Ломов В. М., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Тетушка	5
Здравствуйте, я ваша тетя!	5
Черный человек Колфин	8
Тест-этюд «Три тарелки», или Время «до» и время «от»	10
Искушения	14
Метаморфозы	16
Амедео Нессуно	18
Явление	21
Натворила дел	23
Не всё потеряно	25
Вступление и каприз	27
Начать сначала	29
Послевкусие безвкусия	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Виорэль Ломов

Елена Прекрасная

Тетушка

Здравствуйте, я ваша тетя!

Когда Леночке было двенадцать лет, ее знал уже весь Санкт-Петербург. Знала ее и страна. На центральном телевидении в детских шоу девочку трижды назвали самой лучшей, самой красивой, самой гениальной. Миллионы лайков и восторженных слов – удивительно, как это всё поместилось в ней одной! Но это было вполне заслуженно. Юная Лена Краснова навскидку декламировала стихи любого поэта Серебряного века, после чего произносила экспромт в манере автора. И часто ее импровизация была ничем не хуже строк классика! В паре с ведущим солистом Мариинского театра в коде па-де-де из балета Минкуса «Дон Кихот» танцорка и впрямь хлестко взбивала воздух бойким фуэте. Девочка мгновенно умножала шестизначные числа и в шахматный блиц обыграла трех мастеров и гроссмейстера. Умнице пророчили Филдсовскую премию и медаль за то, что вслед за Григорием Перельманом она решила еще одну из семи задач тысячелетия. Интрига состояла в том, что ведущие математики мира пока не могли понять, решила она ее или не решила.

После блистательного триумфа Лены родители целиком посвятили себя дочери, устраивая ей просмотры и участие во всевозможных встречах и олимпиадах. Шоумены вовлекали в пиар-проекты Елены известных людей государства. Обратились даже к президенту, дабы он обратил внимание на божий дар школьницы, но тот с присущим ему юмором отослал их к патриарху. «Либо к министру МЧС», – добавил он.

По большому счету, Леночка стала легендой и памятником, не успев стать даже девушкой. Прошло два года, девица получила паспорт и уже как взрослую ее стали, обыгрывая фамилию, называть Еленой Прекрасной. Для высшей награды в сфере культуры и искусства питерский художник предложил проект нового Российского ордена «Елены Прекрасной» с профилем юной красавицы, а народная артистка призвала общественность устроить благотворительный фонд (за счет граждан) для проведения Всероссийского конкурса ума и красоты.

Всё было бы хорошо, если б не одна заковыка. До рождения Леночки Василий и Ольга Красновы шесть лет молили Бога, чтобы Он дал им ребеночка, но как-то всё не получалось. Батюшка в храме сказал: «Не отчаивайтесь. Просите, и Он даст». Но у супругов истощилось терпение, и когда они как-то гостили у друзей в Финляндии, те посоветовали им сходить к ворожее, жившей в их поселке. Кудесница славилась тем, что снимала порчу и пристраивала замуж девиц. Поговаривали, что может помочь и с деточкой. Красновы пошли. Та поколдовала, пошептала за ширмочкой с кем-то невидимым, что-то пообещала ему, взяла у просителей большие деньги и сказала, что через год у них непременно родится девочка. Будет она первой красавицей и умницей, и все станут буквально молиться на нее. Но, предупредила ворожее, как только дочери исполнится четырнадцать лет, девушку надо будет привести к ней. «За год я обучу ее магическому мастерству, вообще всему, чем владею, сделаю ее искусницей всех искусств, – посулила колдунья. – Только не забудьте привести ее ко мне! Иначе вас ждет беда!» Конечно же, будущие родители дали слово это сделать. Но когда Леночке исполнилось четырнадцать лет, Красновы совершенно забыли о своем обещании. К тому же с тех пор они и не

были в Финляндии. Да и до того ли было? Ведь девушка стала одной из претенденток на звание «Мисс Россия»! Предстояло столько хлопот!

Неожиданно поздно вечером, когда уже пора была отходить ко сну, раздался звонок.

– Кого это принесло? Почему охранник пропустил? – пробормотал Краснов и пошел открывать дверь. На пороге стояла пожилая женщина.

– Это я, – без лишних предисловий сказала гостя. Василий тут же узнал ее. Ворожея не изменилась за пятнадцать лет. – Однако заждалась я. Месяц прошел, как дочечке вашей вышел срок. Она там? Я пройду?

Не раздеваясь, женщина как змея проскользнула мимо Василия в комнату. Увидев Ольгу и Лену, она всплеснула руками и радостно запричитала:

– Вот и она! Да какая же красавица! А умница! Всё знаю! Очень радовалась, очень! Помните, что я вам обещала? – обратилась визитерша к родителям. – Исполнилось? А вы что мне обещали? Помните? Вспомнили. Вот и отлично, что вспомнили. Ну что, милая, раз так, пошли ко мне теперь...

Родители как завороченные смотрели на незваную гостью и не могли произнести ни слова. Лена фыркнула:

– Что это за старуха! Па! Ма! Я спать хочу! Гоните ее! Кнопка для чего? – Девушка нажала тревожную кнопку. – Я пошла. Мне выспаться надо!

Появился охранник. За ним маячил второй.

– В чем дело, господа?

– Простите, мы случайно нажали, – против воли произнес отец, а мать против воли согласно кивнула.

Охранники извинились за беспокойство и ушли.

Ведьма улыбнулась:

– Со мной лучше по-доброму. Тогда и я буду по-доброму. А то ведь я и по-злому могу. Для меня это даже как-то привычнее. Пошли, голуба, пошли. Захвати свою расчёску, зубную щетку и пижамку. Паспорт не забудь. Ты, мамаша, помоги ребенку собраться. Лишнего не клади. У меня всё есть, чего у тебя никогда не будет. Да вы не переживайте. Год пролетит, как день. Пару раз можно будет наведаться ко мне. Я вам смс-ку пришлю.

Женщина взяла Лену за руку и повела к себе. Родители не возражали. Более того, им казалось, что они счастливы, оттого что с их плеч свалился огромный груз ответственности, неопределенности и страха перед будущим, который давил их уже несколько лет. Но при этом Василий и Ольга не могли понять, почему вдруг их охватило это чувство!

Ворожея и девушка вышли на улицу и направились к дому, который, как оказалось, был не так далеко от дома Красновых, тоже на Каменноостровском проспекте, рядом с киностудией «Ленфильм». Лена с удивлением отметила, что на улице практически никого нет, ни людей, ни машин, словно было раннее-раннее утро, хотя из дома они вышли в десять вечера.

– Мне нравится твое своеобразие! – похвалила колдунья девушку. – Легче будет учиться. Давай знакомиться. Тебя-то я знаю хорошо. Слухов воз и маленькая тележка. Даже бомжи знают. Твои успехи впечатляют. Но на какое-то время о них надо будет позабыть. Никакого пиара и публичности. Потом, через год, предстанешь в новом блеске. Мир ляжет у твоих ног! Ты мне только верь. Да, я не представилась. Прости. Зови меня бабушка, нет, лучше – тетушка Кольгрима. Договорились?

Лена покорно шла за ней, не понимая, откуда в ней такая покорность. Она кивнула в знак согласия и немного охрипшим голосом выдавила из себя:

– Хорошо, тетушка Кольгрима.

– Умничка! – восхитилась воспитательница. – Какая же я была дура! Столько лет убила на пацанов, на каких-то свиней, на дурацкий интернет!

Кольгрима сделала вид, что спохватилась, будто бы сказав нечто лишнее, но, улыбнувшись, продолжила:

– Нет, надо сразу же договориться о главном. Главное – знай: я никогда не вру. Всё, что я обещаю, я выполняю. Этого же я требую и от всех моих... моих учеников. Я волшебница. Да-да, не удивляйся. В принципе, все женщины волшебницы, они только об этом к счастью не знают. Не слышала обо мне? Вот и хорошо, что не слышала. Я в Питере жила когда-то. Давно, тебя еще не было. Впрочем, как-то наведывалась сюда. А пару недель назад вернулась из Антарктиды. Угораздило оказаться там в ледяном плену. Удалось вырваться. Не без помощи добрых людей. Хе-хе... Пришлось, правда, пожертвовать кое-какими владениями и лицензией на право деятельности в тех краях. Ну да обойдусь и без лицензии. Пойду не вишь, а вглубь. Так ведь? Вижу, не понимаешь, о чем я говорю. Ничего, скоро поймешь. Обо всём расскажу. Знай одно: планы у меня на тебя, а значит, и у тебя самой – гигантские. Я тебя обучу всему, что умею, отдам всё, чем владею. Такой красавице и умнице не жалко! Будешь не только Еленой Прекрасной и Еленой Премудрой в одном лице, но еще и Еленой Могучей. Прямо, не дева, а трехглавый Змей Горыныч. Кстати, мой родственник. Шутка.

Черный человек Колфин

За двойной входной дверью открылся просторный холл с милым диванчиком и большими китайскими вазами. На стенах висели два псевдо-старинных портрета, судя по всему знатных персон, в манере нидерландских художников Золотого века. Умничка сразу же отметила это, интуитивно осознав нарочитую лживость холла. Скорее всего, это был новодел, искусственно состаренный. Один простенок занимало зеркало в тяжелой старинной раме. Над зеркалом располагались большие электронные часы, диссонирующие своими светящимися цифрами с архаичной обстановкой прихожей. Зерцало (именно это слово приходило на ум) невольно притягивало взгляд. Его гладкая плоскость светилась, хотя никакой подсветки не могло быть там, где за гладкой зеленой амальгамой находилась под английскими обоями шершавая глухая стена. Непостижим был этот свет лунной ночи, мерцавшей в зеркальной глубине. Лена невольно остановилась перед своим неузнаваемым ею отражением.

– Нравится? Кто краше, ты или зеркало? – спросила тетушка и сама себе ответила: – И ей зеркальце в ответ: «Ты, конечно, спору нет...»

Они прошли на кухню. Хозяйка напоила ученицу густым вкусным, целительным, по ее словам, отваром и уложила в отдельной комнате на тахте. Сама ушла в спальню. Вскоре оттуда послышался храп.

Лена не могла отделаться от ощущения, что из зеркала на нее давеча глянула не она сама, а кто-то чужой. Ей стало зябко, и она укрылась одеялом с головой. Долго не могла уснуть и когда проваливалась в сон, ей слышался странный стеклянный звук, от которого шли мурашки по коже...

Почувствовав духоту. Лена отбросила одеяло и с удивлением обнаружила, что находится в пустыне. Белый искрящийся песок занимал всё пространство, накрытое ослепительным голубым небосводом. Каждая песчинка нестерпимо блестела на солнце, как осколок зеркала. Солнце стояло низко, но уже припекало. Утро разгоралось. По песку скользили серые змейки, плыли (так казалось) в свои норки черепашки, из-под камня выглядывал не уснувший еще тарантул, а высоко в небе выписывал «восьмерку» парящий гриф. Хотелось пить. Не зная, куда идти, Лена сделала пару шагов и оказалась в холле перед зеркалом, в котором увидела не только свое отражение, но и уходящего вдаль мужчину в черном плаще с капюшоном. Часы показывали полночь.

«Неужто Черный человек? К кому приходил?» – соображала Лена, вспомнив Моцарта и Есенина. В зеркале осталась не она, не ее отражение, а какая-то странная призрачная фигура, сквозь которую были видны диванчик и портрет на стене.

«А где же я? Эта прозрачная? – подумала девушка – Это же не я. А кто? Да ну, чушь! Этого просто не может быть!»

Но оно – было!

Не подав виду, Лена прошла на кухню, зачем-то включила чайник. Тот зашумел, а когда отключился, послышались странные звуки, идущие из холла. Девушка несколько минут прислушивалась, а потом направилась в спальню.

В зеркале она опять увидела не себя. То есть вроде и себя, но какую-то сквозную. За ней видно было то, чего нельзя было увидеть: и диванчик с портретом, и уходящего вдаль незнакомца в черном плаще. Лене показалось, что ее отражение ослабло и показало язык. На часах светилось «00 – 00». Полночь словно приколотили к стене!

Она легла на тахту и тут же уснула. Разбудил ее то ли выстрел, то ли звук лопнувшей лампочки и невнятное ругательство. Что-то щелкнуло. Затем послышались странные звуки, крайне неприятные. Шелестело и позванивало, словно кто-то стеклянный полз по полу...

Мимо – на кухню! Девушке стало не по себе. Она встала, вышла в холл. Подошву пронизала боль. Резко ступила в сторону, боль пронизала другую ногу. Щелкнула выключателем. (Это выключатель щелкал!) Так и есть, лопнула одна лампочка. На кухне закрылась створка шкафа. Над зеркалом светились цифры «08 – 11».

– Иди сюда! – послышалось из кухни. – Кофе попьем.

– Что? – спросила Лена и облизнула сухие губы.

На кухне мужчина, то ли в пижаме, то ли в спортивном костюме черного бархата стоял возле закипавшего чайника.

– Кровь, – кивнул он на темные следы на полу. – Ставь ногу сюда. Подошвой ко мне. – Незнакомец похлопал по стулу. Лена поставила ногу. Мужчина провел ладонью по подошве. – Теперь другую. – Провел по другой подошве. – Вот, как и не бывало.

– А тетушка где? – спросила Лена.

– Тетушка? Какая тетушка? Зачем нам тетушка? Со мной никакая тетушка не проживает. Да я и не нуждаюсь ни в какой тетушке! Ты, право, чудачка! Тетушка! Зови меня дядюшкой. И забудь про тетушку. Дядюшкой Колфином, Черным Колдуном, если угодно. Я буду твоим начальным учителем.

Дядюшка Колфин насыпал в чашечки растворимый кофе, предложил ученице на выбор десерт, потом неожиданно заменил его другим, прокомментировав:

– Научись отказываться от сделанного выбора без сожаления. Это правило номер один. Оно очень трудное. Но зато много обещает тем, кто усваивает его. Так ты поднимаешься над собой, и одновременно поднимаешь себя. Иди, переоденься. Твоя одежда в шкафу.

Лена вышла в холл, глядя под ноги, чтобы не наступить на стекло. Пол был чистый. В зеркале вдаль уходил Колфин, а Ленино отражение сделало ей рожу. На часах была всё та же полночь. За спиной девушки неожиданно кто-то кашлянул, отчего она почувствовала оторопь.

– Да, забыл сказать о втором правиле, – произнес Колфин. – Ты не Лена. Что это – Лена? Уменьшительно-ласкательные имена уменьшают, но вовсе не ласкают, а укорачивают человека. А со временем так лишь раздражают. Ты Елена!

Тест-этюд «Три тарелки», или Время «до» и время «от»

Утром Елену разбудил будильник. Девушка чувствовала себя неважно, точно всю ночь промаялась на вокзале (лет в пять ей пришлось испытать такое). Она было подумала: «Точно по мне черти толклись», но вдруг чего-то испугалась и подавила свою мысль. Зевая, Лена вышла в холл. На часах светилось «08 – 11». Вспомнив ночную кутерьму вокруг застывшей полуночи и тут же штатовский фильм «День сурка», подумала: «Прямо ночь сурка».

– В ванной всё есть, – послышался голос Колфина из кухни. – Тумбочка с твоим именем. Чего не хватает, нажми на синюю кнопку и попроси. Если лишнее, нажми на красную и скажи. Десять минут на всё.

Через десять минут Елена сидела за столом, удивляясь самой себе. Обычно у нее утренние процедуры занимали не меньше часа.

Дядюшка Колфин подал сливки и овсяную кашу.

– Аристократы в старой доброй Англии знали, как начинать день. Вот и мы с нашими унылыми мордами потянемся за ними, за сэрами да за лордами. Шутка.

В этой пошловатой для педагога реплике, в том, *как* произнес Колфин слово «шутка», Лена услышала нечто знакомое, причем недавно слышанное, но что, не могла вспомнить.

– Не самый дурной пример для подражания, – продолжал свой монолог колдун. – Каша называется «поридж». Это ты знаешь. Знаешь, но не ешь. А зря. Будешь есть по утрам, не нужен станет шампунь и витамины для блеска волос, мази для нежной кожи. Замечу: урок уже идет, вернее тест. В вашей школе куча уроков, и все они бестолковые, непонятно о чем, зажаты звонками, ограничены часами. У нас не так. У нас урок идет от рождения до смерти, и он один – урок жизни. В полночь он тоже был, факультативно. Ночной курс продлится весь год. Так что не расстраивайся. Чему бывать – того не миновать. Когда смиришься перед неизбежным, избежнешь случайного либо станешь его господином. Это третье правило. Так вот, поридж. Кашу сегодня приготовил я, а завтра начнешь готовить ты. Овес в этом контейнере. Там соль.

– Всё что ль? Это же ничего! А молоко? Сахар?

– Никакого молока и сахара! Только вода, соль и медленный огонь. Как научишься готовить из этого «ничего» осянку, а это сделать не совсем просто – густую, но текучую кашу, вкусную, с ореховым ароматом, тогда научишься и терпению, аромат которого глубже и приятнее всякого аромата пищи. Кстати, сахар есть в самом овсе. Сахар есть и в каждом человеке. Это ты тоже знаешь. Но пока не умеешь извлекать его из организма и чувствовать на языке. Кстати, лошадь это может. Так что учись.

– У лошади?

– У лошади. Не перебивай. Не перебивай учителя – это еще одно правило для ученика. Неужели в вашей школе этого не донесли? В овсянке витамины, минеральные вещества, соли, вся химия. Вот книга рецептов, выучи все наизусть к завтрашнему дню, включая химию. Принимай задание без эмоций. Лицом не играй. Не на телевидении. Это тоже правило. Я больше не буду означать номера. Их много. Так вот, химия – самая полезная наука из всех, не считая алхимии, разумеется. Я не сомневаюсь, что за день можно выучить даже «Илиаду» Гомера, если припрет. А тебя приперло. У тебя выхода нет. Ты и так потеряла напрасно четырнадцать лет!

После завтрака Елена вымыла посуду. Она думала, что дядюшка поведет ее в класс, где не только компьютер и всякие гаджеты, но и манускрипты, глобус, череп, сова, магический шар, колбы, реторты, белый дым и еще непонятно что, судя по профессии Колфина. Но тот никуда ее не повел. Усадив ученицу на стул, дядюшка обратил внимание девушки на три расписные

тарелки, что висели на стене одна под другой. Сверху маленькая, ниже средняя и большая в самом низу.

– Вот, Елена, три тарелки. Потряси-ка меня своим воображением. Что ты можешь сказать о них? Три минуты на погляд, а потом рассказ. Я попутно дам вводную. Развей ее в своем эссе. Тарелки висят уже два года. На них, как видишь, рисунки в манере то ли Мане, то ли Ренуара. Я не силен в манерах. Это вы, барышни, доки. У самой маленькой тарелки отколот кусочек – котенок прыгнул за мухой и сшиб ее на пол. Я не художник и не берусь судить о степени мастерства живописца. Но, надо признать, степень его воздействия на меня велика. На самой большой тарелке изображены две одинокие женщины в парижском (так думается) кафе. Видно, что женщины знакомы. На средней тарелке женщин нет. Нет их и на третьей. Но что-то объединяет их – и женщин, и рисунки. Что? Какие это годы? Где эти дамы и кто они? Ставлю песочные часы. Тут три минуты.

Елена взглянула на песочные часы и физически ощутила, что ее взор буквально прилип к падавшим песчинкам. Большим усилием воли она оторвала взгляд от песчаной струи, уловив одобрение дядюшки, и стала изучать тарелки. При этом она пыталась мысленно воздействовать на пескопад. (Ей показалось, что надо обязательно это делать). Лена отдавала себе отчет, что не может замедлить время, но почему бы не замедлить ход отмеряющих время часов? Девушка представила, что несколько песчинок склеились и частично перегородили горловину часов. Она не удержалась и краем глаза глянула на часы. И на самом деле – песчаная струйка стала тоньше! И снова одобряющий взгляд Колфина.

Рисунки на тарелках были без особых изысков, но качественные. Видно было, что их нанес профессионал.

– Я готова, – произнесла Елена.

Струйка в часах и вовсе стала едва заметной. Колфин покачал головой, улыбнулся впервые, но ничего не сказал, а лишь кивнул, чтоб начинала свое эссе.

– Три тарелки одна над другой. / Три тарелки одна под другой. / А как правильно – над или под? / Что важнее, время до или от? – Лена посмотрела с некоторым напряжением на дядюшку, ожидая оценки (конечно же, одобрения!) экспромту. Колфин бесстрастно смотрел вдаль.

– Пред вами, господа, – продолжила, успокоившись, рассказчица, – своеобразная прогрессия одного и того же мотива. Повторю слова одного великого педагога: «Я не художник и не берусь судить о степени мастерства живописца. Но, надо признать, степень его воздействия на меня велика». Артист умудрился передать свою тоску. Во всяком случае, тоска всякий раз входит в меня, как я гляжу на эти тарелки. А это происходит уже два года, каждый день. Представляете, сколько во мне скопилось этой тоски?! Сейчас мне это кажется диким, но как-то я подумала, что рисунки на тарелках вызывают ощущение, какое бывает, когда мимо окна вверх поднимаются редкие большие снежинки в начале зимы, как пузыри утонувшего лета. Это противоестественно. А весь двор белый-белый. Это цвет трагедии...

«На самой большой тарелке изображены две одинокие женщины в парижском (так думается) кафе». На столике перед ними заварной чайничек, две чашечки. Но почему-то кажется, что это чашечки не с чаем, а с дымящимся кофе. Художник смог уловить и передать *настроение*. Обе женщины прелестны, задумались о чем-то... Одна вполоборота к зрителю, чуть старше другой, лет на пять. В ней больше загадочности, женственности. Платье ее приглушенных цветов, в крупную продольную полоску. Та, что моложе, сидит прямо, в ярко красном платье с золотыми тенями, ее белые руки лежат на зеленой скатерти. Из-за таких рук мужчине, как мне кажется, легко потерять голову. Если он прежде не посмотрит на соседку... Впрочем, эти дамы любого мужчину превратят в буриданова осла. Не правда ли, господа?

«Видно, что женщины знакомы». Они холодны друг к другу, но обеих согревают воспоминания. Обе молчат. Произнеси они хоть слово, и оно окажется мужским именем. Отсутствие

этого мужчины и дает картине настроение грусти. Наподобие того, как картины осени вызывают грусть по ушедшему лету.

«На средней тарелке женщин нет». Два свободных стула, на столе свеча, цветок на фоне окна – кажется, что дамы еще не покинули кафе, а только что встали со стульев. Справа и слева до сих пор скользит запах духов... Почти что грусть в квадрате. А на самой маленькой тарелке – та же картинка, что и на второй, только уже не как воспоминание, а как напоминание о том, что пока не растаяло окончательно в воздухе. Если переводить взгляд с большой тарелки на среднюю и далее на маленькую, рисунки будут читаться, как роман Ремарка. А наоборот – как роман Пруста.

Три тарелки, уменьшаясь кверху, ужимаются от факта к намеку. И снова взгляд возвращается к большой тарелке. Что же изображено на ней? Уголок забегаловки. На фоне ночного, грязновато-синего неба по окну нечитаема надпись названия кафе. Зеленые волны ламбрекенов тяжелых гардин. Сбоку зеленый цветок, узнаваемый, но не имеющий имени. Он как намек на чувства, которые безымянны, но знакомы всем. Круглый стол под зеленой скатертью с мелкими оборками. Стулья-кресла обтянуты атласом, в тон заведению, тоже в крупную полоску. Чередование светлых и темных полос. Между чашечками в белом стакане свечка, огонек сердечком. Красный огонек, а внутри золотой извив – похоже на горящее сердце. Невольно хочется задать вопрос самой себе: сердце горит по тому, о ком опущены ресницы задумчивых красавиц? Или по времени, потерянному навсегда?

У молодой женщины румянец, не от болезни, скорее, от чувств. А может, и искусственный. Поля шляпки прикрывают один глаз. Второй – ниточка брови дугой и опущенные ресницы. Бровь – не толще ресницы. Черные волосы ниспадают на плечо. Опирается локтями о стол, словно обретая в этом уверенность. Хотя бы на то время, пока ее разглядывают. Что она будет делать, как погаснут посторонние взгляды – кто ж ее знает? У нее белое лицо, белая шея, она типичная брюнетка, пышноволосая, чуть-чуть склонная к полноте и экзальтации, страстная и неумная, резко впадающая в отчаяние, но и быстро приходящая в равновесие.

Вторая скорее шатенка, длинноволосая, но не с такой пышной прической, более смуглая. Поля шляпки прикрывают глаза, виден только тонкий рот, слегка выдающиеся скулы, тонкие очертания лица, весь ее облик говорит о большом внутреннем напряжении, которое может вынести только сильная женщина. Одну руку она держит на столе, другую на коленях, в ней, скорее всего, салфетка. А может, она сжата в кулак...

«Какие же это годы?» А когда ресницы и брови были одной ширины?.. Когда чувства были еще так глубоки, что в них не было дна?.. Были же когда-то эти годы...

И снова взгляд поднимается вверх. На второй и на третьей тарелках женщин нет, лишь цветок, да на пустой поверхности стола в белой чашечке (с водой?) горит свеча. Красный огонек, а в середине золотое сердечко...

Где они, шляпки с атласными лентами и опущенными полями, бархатные платья в тон обивки стульев, обоев, скатерти, гардин, окна? «Где они и кто они, загадочные незнакомки?» Ответ знает лишь неизвестный художник и канувшее в Лету время... Я всё!

– Ну что ж, вполне сносно, – сказал дядюшка Колфин. – С заданием справилась. Где-то на уровне экскурсовода средней руки.

Елена почувствовала обиду на несправедливую, как ей казалось, оценку.

– Тебя это покорило? Будет тебе известно, экскурсоводом средней руки становятся не все, да и то уже перед пенсией. Имею пару существенных замечаний. Не называй присутствующего человека «великим». Если всё же назвала, иди до конца, назови его по имени и скажи, почему ты так считаешь. Так будет честно. Иначе он сам и окружающие воспримут это как лицемерие и ложь. Как мне сказали, из тебя нужно образовать и воспитать даму, способную обмануть самого дьявола. Запомни: чтоб обмануть, надо говорить одну лишь правду. И никогда, слышишь – никогда не лови у окружающих одобрения своим словам и поступкам! Станешь

ловить, поймаешь одну лишь пыль или хуже того – гадов! Кстати, ты упустила одну деталь: котенка, прыгнувшего за мухой. Он сшиб тарелку, и у той откололся кусочек. Это не мелочь. Это история тарелки. Представь, что тарелка ты. Для тебя этот эпизод останется самым важным во всей твоей жизни. А в жизни мелочей нет. Из каждой мелочи может вырасти великое, если позволить ему расти. Но и великое может сдуться, если дырявая голова... Рассказ твой, Елена, неплох. Несколько эмоционален, театрален, излишен в повторях, но рассказ есть рассказ. Особенно устный. Искусников болтать много. Даже среди тех, кто совершенно не может этого делать. А вот то, что ты попыталась приостановить время – это дорогого стоит. Да еще в самом начале обучения! Таких умельцев в мире немного. Я, кстати, из их числа. Ты ночью убедилась в этом. Так что тест на проверку именно этой способности, а вовсе не умения выражать свои мысли или озвучивать картинки, ты прошла. Прошла успешно. Зачет. Меня, признаться, удивила твоя тонкая трактовка чувств этих женщин, которые ты сама никогда еще не испытала. Это непостижимо. Но резюме: выражать мысль лучше без лишних слов. За словами порой не видно мысли. Повторю сказанное до меня, лучше не скажу: «Мысль изреченная есть ложь». Начала ты эссе проникновенно. Но, похоже, еще не знаешь, что для тебя важнее. Для тебя теперь важнее время «от» сегодняшнего дня. Времени «до» у тебя уже нет, и никогда больше не будет. И последнее: тоска не копится в человеке. Тоска в нем есть изначально. Она лишь проявляется в разные моменты. И эти моменты надо разнести подальше друг от друга...

Искушения

За вечерним чаем Елена слукавила и указала на десерт, который ей не нравился. Она думала, что дядюшка заменит его лучшим. Но Колфин лишь щелкнул пальцами и не стал менять. Минут через пять спросил:

– Как десерт? Нравится?

– Ничего, – буркнула ученица.

– Не лукавь. Не будь ребенком.

– Дядюшка, что изменилось бы, скажи я правду? Получила бы всё равно этот ненавистный десерт!

– Он уже и ненавистный... Не удалось обмануть меня? Но причем тут десерт? Недоступное сладко, а полученное горчит? Елена, учись говорить правду! В суде клянутся говорить одну лишь правду, потому что только правда может спасти жизнь. – Колфин удовлетворился вниманием ученицы и добавил: – И обмануть, по большому счету.

Лена хотела выпить еще чаю, но дядюшка налил ей вчерашний напиток. Перед сном девушка спросила Колфина, а где тетюшка Кольгрима – та обещала ей два свидания с родными.

– О свиданиях не беспокойся, – успокоил ее дядюшка. – Свидитесь. От тебя зависит, когда. Тебя всё равно надо периодически выпускать в свет. Скажем, в парижский. *Parles français?*

– *Oui, c'est pas mal.*

– *C'est très bien. À Paris! À Paris!*¹

Над столом пролетела бабочка. Лена проводила ее взглядом, а дядюшка изрек очередную сентенцию:

– Вот она тоже летит на свет. На любой, кроме зеркального. – Дядюшка махнул рукой в направлении холла. – Не могу понять, почему.

– Наверное, потому, что он отраженный? – предположила ученица.

– Да? Серьезно? Ты так думаешь? И кто же его отразил? Разве свет, если это свет, можно отразить? А не потому ли, что у бабочки нет мозгов? *Vonpe nuit*²

Это был крайне неприятный тип. Какой-то резкий, но и мягкий одновременно, неуловимый, как пума, которую Елена впервые увидела в зоопарке в семь лет и на всю жизнь испугалась ее взгляда. Мужчина долго грациозно крутился вокруг нее, потом вдруг перемахнул, как пума, ей дорогу и где-то наверху, как ей показалось, притаился. При этом она отчетливо слышала шепот: «Не смотри наверх! Там никого нет! – И тут же: – А может, посмотришь? Он там!» Почувствовав, что сверху на нее падает что-то темное (она как бы со стороны видела ухмылку падающего на нее типа!), девушка метнулась в сторону и свалилась с тахты. Сердце ее гулко стучало, а в темном углу комнаты (она могла поклясться в этом!), пятясь задом, в стену погрузилась пума. У зверя зловеще сияли глаза.

Елена вышла в холл. На часах застыла полночь. «Ночь сурка два», – подумала девушка. В зеркале было светло, даже чересчур светло. «Где наша не пропадала!» – сказала она самой себе и хотя было очень страшно, зажмурившись, вошла в тот свет.

Открыв глаза, Елена поняла, что находится на крыше небоскреба. Под ней переливался разноцветными огнями ночной город. Светящиеся гирлянды и ручьи кварталов и дорог спорили своей красотой со звездным небосводом. С одной лишь разницей: вверху было торжественно и тихо, а внизу царила суeta. Небоскреб раскачивал ветер, точно хотел опрокинуть

¹ Говоришь по-французски? / – Да, неплохо. / – Вот и прекрасно. В Париж! В Париж! (*фр.*)

² Спокойной ночи (*фр.*)

его наземь. «Да это же Эйфелева башня! – Елена неделю назад была на выставке, посвященной достопримечательностям Франции. – Марсово поле. Собор Парижской Богоматери. Но почему нет никого? И почему башня погружена в крошечную тьму? А, уже глубокая ночь. А ведь ночью она светится, как восьмое чудо света. И пусть! Иллюминации нет, но завтра СМИ станут наперебой писать о том, что башня светилась. Светилась потому, что на ней была Я! О, это даже не «Мисс Вселенная». Это куда круче!»

– Нравится? – услышала она голос, раздавшийся из темноты.

– Очень! – с восторгом произнесла Елена.

– Через год она тоже будет твоей! С нее ты сможешь озирать всё, что принадлежит тебе!

А сейчас хочешь полететь? Не бойся, я поддержу тебя.

– Хочу!

– Полетели!

Елена вновь свалилась на пол. Хорошо тахта была низкая, и девушка не ушиблась. «Занесло же меня!» – подумала она и услышала дядюшкин голос:

– Елена, встала? Не забыла – тебе сегодня поридж готовить!

Метаморфозы

Мягкий свет проникал сквозь прикрытые веки. На мгновение Елене представилось, как ранним утром она лежит с закрытыми глазами в шезлонге возле самой воды и ни о чем не думает. Три года прошло с тех пор, как она с родителями была в Сочи, а казалось, открой глаза и вновь перед тобою море – гладкое как небо и солнце – теплое как мамина рука.

Отчего ж в мыслях такая тишина? Может, сама кафешка располагала к безмятежности? Не зря же слово «покой» связывает умиротворение души и уют помещения. И хотя забегаловка была отнюдь не тем местом, где можно было забыться от внешнего мира и на минуту отвлечься от мира внутреннего, в этот момент в душе Елены царил именно этот всеобщий мир. Не хотелось даже думать ни о каком признании и успехе. Словно всё уже решилось в ее жизни, обрело устойчивость, достигло цели. При этом девушку совсем не интересовало, откуда взялось в ней это внутреннее равновесие. «Пусть продлится это мгновение, но я не скажу ему постой» – думала девушка, по привычке развивая чужую мысль. Будь она мужчиной, могла заподозрить, что оказалась нечаянно в собственной старости. Но женщине не дано узнать даже осень жизни, оттого что она – вечная весна. Наверное, так.

Елена открыла глаза. На фоне мутного ночного неба, типичного для всякого мегаполиса, по окну расплылась надпись «Caf Paris». Напротив сидела броская молоденькая брюнетка в милой шляпке, в изящном, но старомодном платье вызывающе красного цвета. А еще в глаза невольно бросались холеные белые руки красавицы. Елена отпила глоток кофе и, решив затеять с соседкой легкий разговор, взглянула на нее и, к своему удивлению, увидела совсем другую женщину – не брюнетку, а шатенку, тоже в шляпке, но в более скромном и тоже несколько старомодном платье в крупную продольную полоску. Визави была великолепно и, чувствовалось, безукоризненных манер. Это было очевидно – так по живописному уголку парка угадывается вся его роскошь. Елена подумала, что очень хотела бы походить на сидевшую напротив даму, и на мгновение ее охватила тоска от нереальности этого желания.

Шатенка, уловив настроение девушки, протянула ей руку, в которой была зажата монета.

– Подбрось монету. Выпадет орел, станешь шатенкой. Решка, останешься брюнеткой. Чую, хочешь стать шатенкой. Мной, то есть, – улыбнулась дама в полоску. – Я тебе дала время на выбор, но ты что-то медлишь. Теперь пусть решит случай. Бросай.

Елена подбросила монетку. Та упала на зеленую скатерть орлом. И тут же шатенка и брюнетка мгновенно поменялись местами. То есть натурально брюнетка стала шатенкой, а шатенка – брюнеткой. Бармен, который занимался своими нехитрыми делами, жуя сто раз пережеванную жвачку и устало поглядывая на посетителей, чуть не поперхнулся от этого кульбита.

Елена выхватила из сумочки кругленькое зеркальце и убедилась, что превратилась в шатенку, сидевшую только что напротив. Девушка с восхищением, смешанным со страхом, смотрела на Кольгриму, вернувшую себе облик брюнетки.

– Я обучу тебя нехитрому этому волшебству, – посулила Кольгрима. – Пару дней я наблюдала за вами. Дядюшка пусть натаскивает фехтованию и верховой езде, ну и всякой философической болтовне, а я обучу тебя танцам и этикету. Не хуже Колфина. Английские принцессы позавидуют!

Брюнетка-Кольгрима отпила кофе, поморщилась и сказала:

– Вот игодились три тарелочки.

– Какие тарелочки? – спросила Елена.

– А, ты еще не знаешь о них. Да тарелочки расписал один художник, а потом подарил мне. Я утешала его в трудную минуту. Эта минута длится у него годами. Он и по сию пору безутешен. Как-нибудь познакомлю с ним. Неуравновешенный тип, чахоточный наркоман, запойный,

но гениальный. Амедео звать. Мир еще услышит о нем. Ты понравишься ему. Он любит женщин с лебедиными шеями, хотя бездарно уродует их на своих картинах. Есть у него внутри чертовщинка. Наш он человек! Ну да ладно. Платить за дрянной кофе – нонсенс. Пошли отсюда.

Незаметно они оказались в гостиничном номере, достаточно просторном и комфортном, но не люксе. (Не видели они бармена – тот при исчезновении с его глаз двух странных дам впал в окончательный ступор). Кольгрима сказала, что в Париже можно, конечно, останавливаться и в фешенебельных отелях, но какой смысл в них жить, если не собираешься в ближайшее время из них выходить в высшее общество. «Нечего спешить. Пыльное место. В Париже главное пустить пыль в глаза, – разъяснила Кольгрима. – Надо больше пыли набрать».

Волшебница зажгла свечу на столе и закурила сигарету в длинном мундштуке. Возле колеблющегося огонька появилась бабочка. Кольгрима отогнала ее:

– Куда ты лезешь? Совсем нет мозгов?

Елена вгляделась в тетушку и спросила ее:

– Тетушка, а это ты была Колфином?

– Просекла, – усмехнулась Кольгрима. – Похвально, ученица. Ну а теперь займемся делами. Вот три тарелки. Те, что нарисовал Амедео. На них мы с тобой. Вот ты, а это я... Молоденькая совсем! – хихикнула Кольгрима. – Слушай внимательно и соображай. Надеюсь, ты литературно образована. Пруста и Ремарка читала? Пруст любит повествовать от малого к большому, а Ремарк наоборот.

Сказав, что три тарелки – это три этапа жизни Елены, учительница предложила девушке на выбор два варианта жизни: от большой к маленькой – по Ремарку, и от маленькой к большой – по Прусту.

– Не забудь только, – подчеркнула колдунья, – что самая маленькая с отколотым краем. И этот скол проходит по сердцу. Варианты не сильно разнятся. Ни в одном нет какой-то исключительности или новизны. Новизна вообще эфемерна, она ощущается лишь пока живешь в ней. А когда проживешь, всё равно, как жил. И когда у тебя была рана душевная, в начале жизненного пути или в конце, и был ли у тебя всю жизнь взлет или падение. Итог всегда один. И как повесить тарелки на стенку зависит не от тарелок, а от того, кто их развешивает. Уж поверь мне. Но поскольку у тебя всё еще впереди, выбирай свой путь. Не каждому предоставляется такая возможность. В одном страдание, а потом взлет и успех, в другом сразу же успех, а потом падение и терзания. Колфин выбрал бы второй вариант. Да-да, он вообще-то реальный дядюшка, как ты думала! А мне больше нравится первый. Ну а ты решай сама.

Амедео Нессуно

Всю свою жизнь Елена не знала, кто тогда дернул ее за язык сказать:

– Тетушка, сведи меня с этим Амадеем. – И с насмешкой добавить: – Он Моцарт или Гофман?

– Знакомые? – усмехнулась Кольгрима. – Ни тот и ни тот. И вообще он не Амадей...

– Да, Амедео, ты говорила. Я знаю, Амедео – испанское имя. «Возлюбленный Бога» означает. Или «любящий Бога», – блеснула познаниями умница.

– Оно так. И не так. Не Амадео. Его зовут Амедео, – поправила тетушка. – Он не испанец, итальянец. По матери еврей. И это имя никак не подходит ему. Я говорила как-то: наш он!

Елене было страшно любопытно узнать у наставницы, отчего это вдруг художнику не подходит его собственное имя. Ясно, что речь идет о Модильяни, но ученица не хотела произвести это вслух. Оттого и имя его исковеркала. Неожиданно она подумала: «А почему я по-прежнему считаю себя той Леной? Судя по всему, я – умудренная жизнью женщина, оборотительная шатенка. Или я останусь навсегда девчонкой?» Эти не лишённые здравого смысла соображения слегка озадачили ее, но ненадолго. Ее так и подмывало возразить тетушке, что как назовут корабль – Рафаэль Санти, например, Диего Родригес де Сильва-и-Веласкес или Пьер Огюст Ренуар, так он и поплывет к дальним берегам, а может, и ко дну. Но не успела Елена открыть рот, как Кольгрима огорошила ее словами:

– Вот и отлично! Путь выбран. Значит, в путь! На перекресток Монпарнас-Распай, в «Ротонду», он там. Ищет очередную натурщицу. Привиделось ему в гашишном сне длинное создание, вот и ищет его по парижским курятникам. Чего б не пойти в зоосад к лебедям и жирафам. Может, ты напомнишь ему ее...

– Жирафу... – сказала Елена.

– Уничтожение паче гордости. – Кольгрима задумалась, точно решала что-то важное для себя. Потом сменила тему: – Кофейку у папаши Либиона так себе, правда, всего за шесть сантимов, да и все натурщицы под стать кофейку и всей этой бесчисленной парижской братии. Грош цена всем в базарный день. Пьянь и бездари, мазилы и горлопаны. Но в этом кафе собирается ядро художников и поэтов, которое разнесет двадцатый век в клочья. Лет через десять кое-кого из них покроют позолотой, а кого-то, кто не откинется в лучший мир, даже озолотят. Так что можно хорошо вписаться в эту компашку и отхватить себе кусок пирога.

– Ты хочешь представить меня как модель? – деланно возмутилась Елена. «Интересно, – думала девушка, – знает тетушка о том, что Монмартр и Монпарнас мой конек?» Девушка никому не говорила о своем самом серьезном увлечении и никогда не участвовала ни в одном конкурсе, посвященном парижской богеме.

– Не много ли чести – «модель»? Любая герцогиня без раздумий скинет платье, лишь бы через сто лет ее имя как натурщицы вспомнили вместе с именем этого художника. Правда, имен этих легион.

– А как его полное имя? «Скажет или нет?»

– А никак. Он пока никто. Да хоть Амедео Нессуно. А что, ничего. Амедео Никто. Пустое место. Зеро... *Nessuno poteva vederlo. Ma molti sentiranno e vedranno, fuori*³.

Елену лихорадило. Сейчас произойдет то, ради чего она оказалась тут. Девушка была знакома со многими питерскими и московскими поэтами и художниками, но ни один из них не впечатлил ее своим творчеством и самобытностью. Более того, почти все они разочаровали откровенной пошлостью и тошнотворным самолюбованием. Тут же от самого имени Модильяни

³ Никто не мог его видеть. Но многие услышат и прозрят» (*ит.*).

ल्याни веяло таким очарованием, какого в реальной жизни и быть не могло. «Неужели сейчас я познакомлюсь с ним? С чего это тетушка думает, что я не знаю, о ком идет речь?» Она декламировала с прилежанием школьницы:

– Зайти в «Ротонду». Шесть сантимов / За чашку кофею отдать, / Чтоб одному из херувимов / На час натурщицею стать...

Кольгрима даже крикнула.

– «Достать пролетку. За шесть гривен» – это еще не написано. Ну что, сама познакомишься с херувимом или познакомить? Жена Амедео станет считать его настоящим ангелом. К счастью, это будешь не ты. Но он обратит на тебя внимание.

– Неужели я из его видений?

– Вряд ли. Но ты, в отличие от большинства дам, готовых позировать за так, не станешь делать так. К тому же ты знаешь стихи Малларме, искусство Древнего Египта, разбираешься в живописи и недурно рисуешь сама. Это неплохие крючки, чтоб зацепить Амедео. Дерзай. Если клюнет на тебя, готовься к ночным бдениям. Он любит шататься по ночному Парижу. Будет таскать по всем кабакам.

– Тетушка, неужели я червяк? «Клюнет»! Как-то не по себе даже.

– Да брось ты! – с досадой сказала Кольгрима. – Тут всё важно: и чтоб клюнул, и чтоб с крючка не сорвался. Какая же ты у меня еще дурочка! И я, старая дура, связалась с тобой! Мне бы в деревеньку куда-нибудь, в глушь, в Саратов, в Сусьмя... Однако надо тебе лет десять-пятнадцать сбросить. Натурщицы хороши до двадцати. Посмотришь-ка в зеркало.

Перед Еленой возникло зеркало, чуть ли не то, что было в холле квартиры. Так и есть: на часах светится «00—00» и вглубь зеркала прихрамывая удаляется кто-то в черном плаще, а ему навстречу идет легкой походкой господин в ярком желтом солнечном наряде с синей папкой в руках! Елена с удовольствием разглядела себя, совсем молоденькую, какой она и была в действительности, но с таким глубоким загадочным взором, что сама чуть не утонула в нем.

Девушка оглянулась на тетушку. Та стояла возле стойки и о чем-то разговаривала с добродушным толстяком, судя по всему, хозяином кафе. Кольгрима подошла к ученице.

– Он тут. В комнате.

Из глухой комнаты вразнобой доносился смех, брань, декламация. В помещении за всеми столиками сидели, пили и спорили посетители в самых немыслимых одеждах и головных уборах. Было сильно накурено, хоть топор вешай, и пропитано потом и винным духом. За угловым столиком в одиночестве сидел симпатичный господин весь в желтом, перехваченный красным кушаком, и перекладывал листки в синей папке. В зубах он зажал карандаш.

Тетушка подвела ученицу к художнику.

– Привет, Моды! Ты прямо как солнце в этой вонючей дыре. Любителю ночных блужданий к лицу сей солнечный наряд.

Молодой человек блеснул глазами, встряхнул красивой прядкой волнистых волос, поднялся, держа в руках папку и не вынимая изо рта карандаш, и, кивнув дамам, чтоб сядились, плюхнулся сам. Похоже, он был изрядно пьян.

Не говоря ни слова, Амедео одним скольльзящим движением вывел на листке обычной писчей бумаги женский контур в платье. Взял другой лист и нарисовал его же, но уже без платья. Удовлетворенно хмыкнул. Посмотрел на дам. Брюнетка сказала ему:

– Знакомься, Моды! Елена.

– Да, она Елена Прекрасная, – пробормотал художник, не иначе самому себе.

Кольгрима подмигнула спутнице – мол, что я говорила!

Елену покорила эта бесцеремонность Модильяни, но и царапнула прямо по сердцу. «Но это же еще не скол на той тарелочке», – подумала Елена. И тут ей в голову пришло, это совсем не то кафе, что на тарелочках. Не мог их нарисовать тут Модильяни! Да и не его это стиль. А кто тогда их нарисовал? Неужто я сама? По памяти, когда-нибудь потом, по печали.

Спустя много лет. Изобразила себя в двух ипостасях. Брюнетку в дьявольском красном наряде и ее жертву. Саму себя – дьяволицу и жертву. А Модильяни на рисунке нет, о нем лишь воспоминания. Но почему я не написала о нем даже стихов?

У девушки закружилась голова, поплыл пол, заходили стены,
Она очнулась, вышла в холл. На часах была полночь.

Явление

Очнувшись от ночного морока, девушка почувствовала озноб. Ей вдруг сильно, до тоски, захотелось на свет и в свет, в дом Энгельгардта, где российская знать устраивала музыкальные вечера и бал-маскарады, вновь вышагивать полонез рука об руку в первой паре с государем Николаем Павловичем. Ах, этот взгляд царя – его нельзя было выдержать, но от него нельзя было и оторваться!

– День добрый, ненаглядная! – услышала Елена, и от неожиданности вздрогнула. Она так погрузилась в свои мысли о чем-то нереальном, что не заметила, как рядом с ней оказался Модильяни. Амедео был небрежно элегантен, но и изрядно пьян. В руках у него была всё та же синяя папка с рисунками и бумагой. Но на сей раз карандаш в зубах художник не зажимал. Елена улыбнулась.

– Что улыбаетесь, Елена Прекрасная? – спросил Модильяни и взглянул на себя в зеркало. – А, карандаша во рту нет! Вот! – Он показал руку, в которой держал карандаш. – Позвольте запечатлеть. Вы как змейка. Змея подсказала мне, давно уже, как вести карандаш, чтоб не испортить черты красавицы. Такой, как вы.

Художник уверенными, гладкими движениями тут же нарисовал портрет Елены. Она была похожа и не похожа на себя. В ней появилось нечто значительное и исчезло сиюминутное. Было в ней и что-то пленительно-змеиное, беспокоящее взгляд.

– Будете моей моделью? – небрежно, как само собой разумеющееся, спросил Амедео, оценивающе переводя взгляд с рисунка на Елену и обратно. Неясно было, что он оценивает – портрет или натурщицу. Но, похоже, остался доволен обоими. Елена не отвечала. Художник воспринял ее молчание как согласие.

– Для начала неплохо побывать в Египетских залах Лувра, окунуться, так сказать, в воды Древнего Нила. Ваша внешность оттуда. Вы не Клеопатра, но в вас есть ее замес. Не сочтите это за лесть, – буркнул недовольно он, заметив, как девушка улыбнулась вновь. Она же улыбнулась тому, что *знала* о том, что Модии пригласит ее в музей Лувра!

– Царица, если помните, любила змей до гробовой доски. Возьмите портрет. Вот моя подпись. Когда-нибудь ваши внуки станут богачами, продав этот листок.

У Елены на глаза навернулись слезы.

– О, да вы чувствительная! Абсент? – Модии разглядел бутылку темного стекла на полке. Елена отрицательно покачала головой.

– Жаль. Ну, так как, идем? Случайно не знакомы с русскими, они недавно в Париже. Кажется, Анна и Николай.

– Не имею чести быть знакомой с ними! – У Елены задрожала нижняя губа. Она безотчетно почувствовала угрозу в имени «Анна».

Пара отправилась во дворец.

Амедео то отрывисто, то нараспев читал стихи Бодлера, комментируя их:

*«Свершая танец свой красивый
Ты приняла, переняла
Змеи танцующей извивы
На тонком острие жезла...»⁴*

⁴ Перевод с французского Эллиса.

– Змеи танцующей извивы на тонком острие жезла – какой образ! – восклицал художник. – Попробуй, нарисуй!

Елена смятенно перебирала строки, которые приходили ей в голову и тоже слагались в стихотворение. «Карандаш и абсент в стакане... В папке синей берет Модильяни... Чистый лист, рисует на нем... Абрис в память встречи случайной... Контур чей? Но скрыто то тайной... Во сне он абсентом рожден...» Девушку лихорадило. Озноб не прошел.

– О, я увидел. Я вижу эту змею, – продолжал Амедео. – Ко мне? – Он положил руку ей на плечо. – Готова позировать?

«Обними его!» – змеей скользнул ей в уши шепот, от которого девушку стала бить натуральная дрожь.

Елена была готова.

Натворила дел

Кольгрима была темнее тучи.

– Ну и натворила же ты дел, «ненаглядная»! Мало было приюта живописца? Что тебя понесло еще и во дворец?

– В Лувр? – Елена силилась вспомнить что-нибудь о Лувре, но не могла.

– Какой Лувр! Ты тоже абсент пила? Зимний! Иди, отоспись. И я лягу. От твоих похождений, голубушка, у меня голова кругом идет.

Елена обратила внимание на бледный вид Кольгримы.

– Нездоровится, тетушка?

– Столько волнений за последние дни! А тут еще гостёчки пожаловали!

– Кто?

– А! – отмахнулась Кольгрима. – Твари! Надо бы полежать, отдохнуть, но вот приходится заниматься непонятно чем!

«Понятно чем», – подумала девушка.

Елена побрела в свою комнату. Глянув в зеркало, она вспомнила, что страшно обиделась на Амедео, когда тот даже не одевшись, схватил карандаш и, не глядя на нее, стал рисовать нечто привидевшееся ему черт знает когда в галлюциногенном бреде. Елене было досадно, что он рисовал не ее. «Как же так? – задавила она в себе крик. – Как же так?»

Модильяни протянул ей лист. Рисунок был дьявольски хорош. Обнаженное женское тело напряглось в порыве страсти. «В предвкушении минуты радости», – написал Моди. «Неужели это я?» – подумала Лена. Вскоре художник окончил и подписал второй рисунок. «Утомленная страсть», – прочитала натурщица на изображении разомлевшей красавицы. Елене показалось, что оба портрета вывел не карандаш на бумаге, а вырезал скальпель на женской коже. Она даже разглядела на втором рисунке капельки крови. На арабески Модильяни было больно смотреть, но еще больнее осознавать, что больше никаких рисунков не будет.

– Они твои. Постой. – Амедео поморщился и зачеркнул на первом листке слово «минута», заменив его на «мгновение».

А после этого... Что было после этого? После этого – девушка вспомнила, как она, не прощаясь, покинула художника, приступившего к очередному портрету и не обращавшему больше на гостью внимания, и оказалась вдруг то ли на балу, то ли в уютной комнате наедине с государем. Монарх холодно любовался ею и спрашивал:

– Ты чем-то не довольна, Элен?

– Я всем довольна, ваше величество!

– А кто-то жаловался давеча: всякий день балы?

– Но не такой, как нынче, государь! Он единый.

Но почему она не ощущает волнения, почему она так спокойна, будто ничего не случилось? Ведь ее только что в своих объятиях держал сам государь! «А перед этим – сам Моди!» – змейкой скользнул в уши шепот.

Однако пора спать!

Кольгрима достала из стола синюю папку Моди и вынула из нее рисунки, изображавшие ее (ее ли?) в их первое и единственное свидание. Она взглянула в зеркало и увидела в нем Елену. Вздохнув, вернула рисунки в папку, папку бросила в стол и снова взглянула в зеркало. Всё в порядке: улыбнулась она самой себе.

«Мчатся бесы рой за роем в беспредельной вышине...» – кружилось у нее в голове. Бесы ли то были, или Модильяни, или государь, или она сама, Елена Прекрасная? Так с этим кру-

жением волшебница и легла спать. «Бесы, бесы, достали же вы меня!» – последнее, что она подумала, проваливаясь в сон. Во сне ее преследовал ехидный голос Колфина, в которого она преображалась порой: «Любите ли вы театр так, как я люблю его? – Дядюшка ёрничал: – Для чего ходят в театр? Чтобы получить удовольствие. Так вот, я получаю наслаждение только от того, что не хожу в театр. Что ты нашла, досточтимая Кольгрима (или Елена?), в этом пошлом балагане? В этом дьяволе-рисовальщике, в этом Божьем наместнике, ледяном царе?»

Колдунья прокляла уже не раз тот день и час, когда она давным-давно заключила с демонами договор, по которому получила отменное, нечеловеческое здоровье и дар волшебный превращать и превращаться, перемещать и самой перемещаться в пространстве и во времени.

Согласно договору, по достижении двухсотлетнего возраста Кольгрима должна была отдаться бесам навечно. «Ну чем не Фауст?» – думала она когда-то. Со временем эту мысль вытеснила другая: «Вот же черт!» Кольгрима спешила подготовить себе замену, но всё срывалось и срывалось. Вот, наконец-то вроде как уже приготовила, но получалось, что ее не разделить с Еленой! В Елене была она сама, а в ней Елена, и разорвать их обеих не могло никакое колдовство, никакие молитвы! О каких молитвах могла идти речь, когда им не было места даже в лексиконе колдуньи!

Сегодня, когда Елена пустилась во все тяжкие, бесы навестили Кольгриму. «Срок истек!» – заявил старший из них, но у волшебницы хватило сил выдуть нечисть из своих покоев.

– Завтра! – с хохотом крикнула она им вслед.

Спала Кольгрима беспокойно. Помимо слабости, сковавшей все ее члены, она чувствовала головокружение и тошноту. Когда уже под утро (хотя на часах застыла полночь) она встала, чтобы выпить успокоительной микстуры, и подошла к зеркалу, то в зеркале увидела бледную осунувшуюся старуху, с заострившимися скулами и космами, торчавшими во все стороны. Она с оторопью пригладила свои волосы, и с удивлением обнаружила, что те в полном порядке лежат ровными прядками под чепчиком. На нее же из зеркала уставилось какое-то страшилище с невообразимой улыбкой, похожей на оскал оборотня. Да это была вовсе не она! Ужас обуял колдунью. Она протянула к зеркалу дрожащую руку и вместо прохладного мертвого стекла уперлась в живые пальцы, которые вдруг ледяной хваткой стиснули ей ладонь. Кольгрима вскрикнула. Та Кольгрима, что была напротив, кричать не стала, а криво улыбнулась и вышла из зеркала. Привидение прошло к кровати и легло на спину. У Кольгримы пол заходил под ногами, заколыхались стены и потолок жилища. Она подошла к своей постели. Двойница, уставившись в потолок, спала с открытыми глазами!

Кольгрима вышла из спальни и постучала к Елене. Та тут же вышла, точно и не спала. Колдунья привела ее в свою спальню и указала на спящую двойницу.

Елена подошла к кровати, тронула спящее привидение за руку. Двойница стала таять в воздухе и исчезла.

– Это тебе привиделось, тетушка, спи! – сказала Лена и тоже растаяла.

Кольгрима без чувств рухнула на кровать и забылась. Проснулась внезапно, точно кто толкнул ее. Внимание волшебницы привлек угол комнаты, который наполнился дрожащим голубоватым сиянием. Свечение стало кружиться все быстрее и быстрее, и из него вдруг соткался огромного роста человек в зеленом мундире с пронзительным тяжелым взглядом. «Император!» – словно кто шепнул Кольгриме на ухо. Она обмерла. Значит, правда, что царь неприкаянно ходит по петербургским подземельям по сию пору! Николай Первый подошел к зеркалу и, наклонившись к нему, смахнул с плеча невидимую соринку. Кашлянул, вынул из стола синюю папку Модильяни, достал из нее три листочка, глянул на них вскользь, хмыкнул и, заложив руку с рисунками за спину, вошел в стену. Кольгрима подошла к стене. В стене, словно в дверной створке, были зажаты ее девичьи портреты. Она потянула их, и бумага рассыпалась в прах!

Не всё потеряно

– Со мной эти штуки не пройдут, – усмехнулась ведьма. – Еще не утро.

Кольгрима дунула на пыль, не успевшую осесть на пол, и та как железные опилки под магнитом стала сгущаться и стягиваться в линии и плоскости. Сначала нехотя, но, в конце концов, стремительно. На пол, мягко раскачиваясь, опустились три листа бумаги. Волшебница подняла их, изучила рисунки:

– Как настоящие. Сам Моды не отличит! Даже лучше! – не удержалась она от похвалы самой себе. – Ведь в них теперь воистину есть волшебство! Моё!

Кольгрима знала, что это был пик ее чародейного мастерства. Апофеоз чудесных превращений. Вырвать из рук бесов материал, созданный духом гениального художника – пропащий материал, обратившийся в прах! Такого не удавалась никому из людей. Жаль, синюю папку Модильяни *оттуда* не достать. Ну да папок и здесь полно. В том числе и синих. Да вот они. Перед Кольгримой выросла грудa синих и голубых папок. Она выбрала подходящую и вложила в нее рисунки. Спohватившись, достала листы. На них не было подписи художника!

Часы показывали полночь.

«У меня еще целая вечность, – подумала ведьма. – Моя вечность».

Кольгрима направилась в комнату Елены.

– Вставай! Вставай, лежебока! – растолкала она девушку.

– Ну что такое? – пробурчала спросонья Лена. – Что случилось?

– Что случилось, то прошло. Что не пришло, вот то бы не случилось. Вставай! Надо срочно увидеться с Модильяни!

– Да где мы увидимся с ним? Тетушка, где он?

– Где, где? В парижском кафе, где же еще? Вечно шастает по кабакам. Пошли! Не прибранная ты. Пстой, приберу.

Кольгрима подвела Лену к зеркалу, поправила ей прическу. Девушка обернулась роскошной дамой, шатенкой с тарелочки, а волшебница пышноволосяй брюнеткой, ее тарелочной визави.

Брюнетка взяла шатенку за руку и шагнула в зеркало.

Перед «Ротондой» Елена запнулась о выбитый булыжник и едва не растянулась на грязной мостовой. Тетушка успела поддержать ее. На веранде кафе за небольшим столиком с белой столешницей и тоненькими черными ножками на плетеных стульях из ротанга сидели Модильяни в черном вельветовом костюме и элегантная дама лет двадцати в широкой соломенной шляпе с страусиным пером. Она напоминала антилопу. Елена с неприязнью отметила, как гибка и грациозна эта восточная горбоносая красавица. В ней было то, чего не было больше ни в одной из посетительниц «Ротонды». И не только в эту ночь, но и вообще никогда. Дама была явно увлечена беседой. Амедео же, остро поглядывая по сторонам в неистребимом азарте поиска новых моделей, нараспев читал:

*«О, эта плоть живая!
Как облачко взлетая,
Ложатся кружева –
И не нужны слова
Губам, огнем объатым...»⁵*

⁵ Перевод с французского Михаила Яснова.

– Привет, Моди! – поздоровалась с художником брюнетка, бесцеремонно прервав его декламацию. Его партнершу она проигнорировала. – Верлен? Составим компанию? На минутку.

Модильяни недобро сверкнул глазами, но ничего не сказал. Встал и придвинул стулья за присоседившимися дамочками.

Брюнетка держала в руках синюю папку. Моди обеспокоенно глянул на свою. Та лежала на столике рядом с ним.

– Ты забыл подписать, – Кольгрима протянула художнику рисунки.

Амедео посмотрел на них, задумался, припоминая что-то, отрицательно покачал головой.

– Это не я рисовал. Где ты взяла их?

Кольгрима поджала губы.

– Моди! Ты что, был так пьян, что не помнишь, как рисовал эти силуэты?

Амедео схватил остро отточенный карандаш и, продирая им листы, поверх рисунков поставил свою подпись. Потом резко встал и, не прощаясь с Кольгримой и Еленой, потянул гибкую партнершу за руку:

– Пойдем, Анна!

– Кто это? – спросила Елена. Она не уловила свой голос и не разобрала, что ответила тетушка. Она слышала лишь стук своего сердца! – Да, это она, Анна Ахматова, – прошептала бедняжка.

Вступление и каприз

– Расстроилась? – Кольгрима прикрыла ладонью руку воспитанницы, комкавшую рисунок. – «В предвкушении мгновения радости», – прочла тетушка. – Брось! Нашла из-за кого. В твоём списке – кто под вторым номером? Нумеруешь ты! Назови его первым. Да он и без тебя Первый. А *этого*, – тетушка кивнула на рисунок, – считай прологом, вступлением, интродукцией. Как он, возьми и зачеркни и напиши новое слово.

– Интродукция и Рондо каприччиозо Сен-Санса, – прошептала Елена. – Ля минор.

Кольгрима скривилась.

– Ой! Не надо! Не надо этих соплей! Кому минор, а кому и мажор.

– Вот и я о том. Кому пролог, а кому каприз.

– Сен-Санс, конечно, гений, Шарль-Камиль. – Разозлившись, тетушка разродилась экспромтом: – Но что тебе Моды? Да сдай его в утиль!

– Камиль, Моды, утиль – прекрасный водевиль! – не осталась в долгу и Елена. – Тетушка, вернемся домой. Надоели эти фарс и бутафория. Ложь, как в фильме... этом, как его, ну ты показывала мне... «Монпарнас, 19».

– Оставим искусство, оно не поможет, когда тут болит. – Тетушка ткнула пальцем Лене в грудь. – Выпьем кофе и пойдем.

Кольгрима махнула рукой седовласому папаше Либиону. Хозяин кафе вальяжно подошел, радушно поприветствовал дам, принял заказ. Лена не заметила, как проглотила горячий кофе и круассан. Так же незаметно она оказалась дома. Гудели ноги, голова, всё тело, точно всю ночь она тащилась по песчаной пустыне.

Тетушка уложила воспитанницу в постель, посидела рядом с ней, с интересом, смешанным с недоумением, прислушиваясь к собственным ощущениям. Оказывается, это чуждое ей создание, которое она намеревалась сделать поп-дивой на потеху стаду безмозглых юнцов и отдать бесам, чем-то дорого ей. «Талантом? Искренностью? Красотой? – перебирала волшебница вопросы, не находя на них ответа. – Талант пшик. Искренность пшик. Красота пшик. А что не пшик?»

«Ничего, за оставшуюся мне вечность я из тебя сделаю человека! А вам (это бесам) – вот! – показала фигу волшебница. Ей стало горько и смешно: человек уже сделан, и его можно только испортить. – А если это последнее мое желание, что делать тогда?»

– Можно плакать и смеяться, – громко произнесла она непонятно для кого, – но мы станем действовать!

В этот момент ей стало совсем грустно, оттого что больше того, что она уже сделала – вернула из праха рисунки Модильяни – она уже совершить не могла.

– И ладно! – еще громче произнесла Кольгрима.

– Тетушка! Что ты шумишь? – послышался голос Елены. – Спать мешаешь!

– Спи, спи, дорогая, я тоже ложусь.

Колдунья постояла мгновение перед зеркалом и растворилась в нем.

Модильяни повел Ахматову в Лувр. По дороге Амедео непрестанно жевал пластинки с гашишем. Анна отказалась от них. В египетские залы художник вошел, громко читая стихи Верлена и Малларме. Взгляд его блуждал по свиткам папируса, саркофагам, оружию, ни на чем не останавливаясь. Ахматова замерла перед статуэткой из крашеного известняка «Сидящий писец». Со дна страшной пропасти лет писец смотрел Анне прямо в глаза и улыбался, точно знал, что у нее сейчас на душе. Точно знал ее судьбу!

– Он похож на тебя, – сказала Ахматова спутнику, не в силах оторваться от созерцания обретшего бессмертие чиновника.

Моди улыбнулся, польщенный.

– Нет. Он живет в этом мире. С него, с его улыбки Леонардо писал «Моно Лизу».

– Откуда он знал о нем? Ведь статуэтку совсем недавно нашли.

– Оттуда, – Моди сначала указал рукой вверх, а потом покачал головой и ткнул пальцем вниз.

Анна неожиданно для себя произнесла с чувством по-русски:

*Солнце свирепое, солнце грозящее,
Бога, в пространствах идущего,
Лицо сумасшедшее,*

*Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее!*

Моди внимательно вслушивался в русскую речь.

– Это стихи о катастрофе? Так? Чьи они? Твои?

– Николая. Мужа, – ответила Анна. – Стихи о катастрофе, да, о грядущей катастрофе.

– Только такими и могут быть истинные стихи. У мужчин.

Моди вдруг показалось, что писец приподнимается со скрещенных ног и протягивает ему папирус и палочку. Художник явственно слышал глухой голос, донесшийся из глубин времен:

– Пиши!

У Модильяни всё поплыло перед глазами. Он качнулся, Анна поддержала его под руку. Ей стало жаль этого несчастного наркомана, но рядом с каменным изваянием, в котором жизни было больше, чем во всех рисунках Модильяни, очарование образа гениального, не признанного никем художника безвозвратно ушло, как и не было его.

– Что с тобой? – спросила она, продолжая смотреть на неподвижного писца.

– Он зовет меня к себе! – с вызовом произнес Моди. И вдруг он увидел перед собой нечеткий, будто бы колеблющийся в мареве бюст красавицы с лебединой шеей и губами, которые – он знал это! – были источником вечного наслаждения. Это была она, дива, богиня, царица, которую он увидел во сне, и которая потом всё время являлась ему во снах и в моменты наивысшего творческого экстаза.

Одноглазый бюст, покачиваясь, проплыл мимо него, явившись из непонятных глубин грядущего, лукаво подмигнул ему единственным глазом и канул в еще более непонятных глубинах прошлого.

«Вот и славненько, – подумала Кольгрима, покидая Лувр. – Вряд ли теперь Анна захочет стать очередным силуэтом на бумажной салфетке этого сероглазого красавца. Да и он сам неистовее будет искать только одну ее, пригрезившуюся, ненаглядную. То-то ошарашен будет Моди, когда через год немецкий археолог Борхард раскопает в пустыне бюст Нефертити и подарит миру чудо, соразмерное Мона Лизе. Вот тогда-то он, бедняга, еще до войны инкогнито побывав в Берлине ради лицезрения изваяния царицы, и сопьется окончательно, поняв, что ему такой красотой не обладать и такого шедевра не создать». Впрочем, тетушка до конца не была уверена, что бюст подлинный. Скорее всего, фальшивый артефакт, но кому до этого есть дело!

Начать сначала

Прогноз бесов – что метеопрогноз: то ли сбудется, то ли не сбудется – бес его знает! Во всяком случае, утро пришло и ужасов не принесло. «Обленились голубчики! Или просто так постращали?» – размышляла Кольгрима. Приготовила завтрак, разбудила Елену. Справившись о самочувствии девушки, она поинтересовалась, спокоен ли был ее сон.

– Спала как убитая, – зевнула та. – И еще бы спала!

– Ну, как спят убитые, ты не знаешь. И это хорошо. А отоспаться еще будет время. Мне надо срочно отлучиться по делам. Не знаю, надолго ли. Вот несколько книг об Анне Ахматовой. Посмотри. Там и о Модильяни есть, несоразмерно много. Он, конечно, поразил Анну своей экстравагантностью и талантом, но «летописцы» врут: Амедео ничтожно мало значил в ее жизни. И вообще, всякая любовная интрижка не более, чем булыжник, о который запинаешься возле «Ротонды». Помнишь?

– Помню, – кивнула Елена, добавив: – Дядюшка Колфин.

– Поучительная вещь – биографии поэтесс, если в них отделить зерна от плевел, то бишь плоть от духа, – продолжила Кольгрима. – Но ты у меня умница: отделишь. Если к полуночи не вернусь, спокойно спи. Зеркало только завесь. Как будто в доме покойник.

– Тетушка! Что ты!

– Ничего. Дело житейское. Утром не появлюсь, ступай к родителям. Вот два ключа – от этой квартиры и от дома под Бердском. Это городок в Новосибирской области. Поднимешься на чердак. Под крышей около трубы тайник. В нем папка с бумагами. Не затягивай. Дом ветхий. Вот адрес и как проехать. Уже в дверях тетушка сказала, не глядя на Лену:

– Можешь и тут остаться, если не боишься привидений. Они не злые. К злым, таким как я, приходят злые приведения. А ты у меня добрая. Если домой не пойдешь, родители сами придут к тебе послезавтра. Я им сообщила. Ну что ж, попрощаемся на всякий случай... Как там у Байрона в Пушкинском изложении: «*Fare thee well! End if for ever, still for ever, fare thee well*»⁶. И тряпки с зеркала не снимай.

– И вот еще что. – Похоже, тетушка поначалу не хотела говорить этого: – Может, и впрямь, не увидимся. Тут неприятности из-за меня могут с тобой случиться. Зачем они тебе? Вернешься из Бердска, события подскажут, что делать дальше. Как сделаешь, тут же уезжай в Новосибирск. Там твоя родственница живет. Бабкой Клавдией зовут. Вот ее адрес. Матери не говори, что едешь к ней. Они в контрах, лет десять не переписываются. Соври что-нибудь. Я сама сообщу Клавдии о твоём приезде. Какое-то время поживи у нее.

Видно было, что Кольгрима не торопится уходить. Будто боится увидеть за порогом что-то таинственное и бесповоротно ужасное.

– Новосибирск – не Питер, конечно, но там скорее поймешь, что по-настоящему живут как раз там, на темном спокойном дне страны, а не на беспокойной сверкающей ее поверхности. В столицах что? Блеск, гам, прах... Город замечательный. Там даже есть единственный в мире памятник, установленный в честь лабораторной мыши. Мышку, которая позировала сначала художнику, а потом скульптору, я специально обучила, как ей быть терпеливой и умной моделью... Ну, прощай!

Елене показалось, что в глазах тетушки блеснули слезы.

Ночь прошла спокойно. Напугала, правда, люстра в холле. Когда Лена щелкнула выключателем, свет не сразу погас, а стал таять, превращаясь из золотистого в мертвенно-голубой. Лампочки ужасали, как глаза монстра.

⁶ «Прощай – и если навсегда, то навсегда прощай» (англ.).

Утром Елена собрала вещи и направилась к родителям. И хотя те были несказанно рады возвращению дочери, она уже через день улетела в Новосибирск. Найти дом на берегу реки Бердь не составило труда, хотя он был за пределами садового общества. Участок был запущен, дом покосился и почернел. Калитка открылась с трудом и со скрипом. Замок тоже проржавел. Елена с трудом провернула ключ. Боязливо поеживаясь, вошла в жилище. «Похоже, тут сто лет никого не было, – подумала девушка. – Зачем тетушка послала сюда, в эту глушь? Лишь бы бомжей не было».

В тайнике оказалась синяя папка с рисунками и фотокарточка. Пожелтевшее от времени фото запечатлело элегантную даму в бархатном платье в крупную продольную полоску и шляпке с атласной лентой и молодого человека, явно художника или поэта. Не вызвало сомнений, что фотографии не меньше ста лет. На обороте выцвела надпись. «Я и Модильяни. Париж. 1910». Еще лежал обкусанный простой карандаш со сломанным грифелем «Koh-I-Noor» и задеревеневший ластик.

Два рисунка сохранились хорошо, третий был смят. Лена разгладила лист. «В ожидании мгновения радости», – прочла она. Под рисунками лежала свернутая бумажная салфетка. На ней было написано: «Эта папка, три рисунка и карандаш принадлежали Модильяни. Позировала ему я. На фото он и я. Фото сделал ... (имя фотографа не прочитывалось). К.».

«К. Кольгрима?» – подумала Елена. Возвращаться было поздно, и девушка решила переночевать в доме. Долго не могла уснуть, тревожили мысли, непривычные звуки. Со двора донеслось воронье карканье. Во сне или в полудреме явилась тетушка в личине черного ворона и разъяснила, что на рисунках и на фото Елена собственной персоной, да-да, в далеком 1910 году, в который при желании можно всегда заглянуть запросто, как в булочную. Стоит только сильно захотеть.

– Захочешь – позови, – напоследок сказала Кольгрима.

В углу стоял сундук со съехавшей набок крышкой. Елена подняла крышку, та отвалилась. Порывшись среди ветхого барахла, девушка обнаружила желтую, как лимон, куртку и красный льняной кушак. Конечно же – Лена готова была руку дать на отсечение – то были куртка и кушак Модильяни!

Проснулась девушка от крика «Nevermore!», и весь день ее мучила головная боль и тревога.

Когда Лена вернулась домой и показала матери рисунки и фотографию, та без раздумий сказала:

– Да ведь это ты!

Отец подтвердил слова жены.

– Конечно, ты. Никаких сомнений у меня лично нет. А кто тебя так классно нарисовал? И фотка крутая. Под старину. Слышь, мать, закажем такие же?

– Рисовал Модильяни, – тихо произнесла девушка. – И на фото он.

Отец не удивился, так как ему по большому счету было всё равно, как была фамилия живописца, но мать от неожиданности села на стул.

– Какой Модильяни? – спросила она, вглядываясь в рисунки и в подпись художника.

– Самый обычный. Амедео.

– Тот самый? – Она перевела взгляд на фото.

– Тот самый.

– Это же целое состояние! Известность! – Мать подбежала к зеркалу и оценила свой вид в виду открывшихся перспектив. – Пора пополнять гардероб!

Впрочем, эту затею она отложила на денек-другой и с утра занялась звонками и эсэмэсками нужным людям и организациям.

Прошло два дня, и Лену вновь увидели на телевидении, но уже в новом качестве. Девушка предстала перед публикой обладательницей бесценной семейной реликвии – трех

рисунков Модильяни, на которых была изображена ее прапрабабушка, а также кушака и куртки художника. Специалисты, приглашенные на интервью Лены, подтвердили подлинность рисунков и фотографии и время их появления. Разумеется, с оговоркой, что вердикт вынесет лишь полноценная экспертиза. Не вызвала сомнений и подлинность одежды художника. Ведущий программы разливался соловьем, восхищаясь Еленой Прекрасной, ее прапрабабкой и «бесценными артефактами, уже вписавшими новую неизвестную ранее страницу в жизнь гениального художника». Особое восхищение у телевизионщика вызвало сходство девушки и ее родственницы. «Фантастика! Лена! Это вы!» – как попугай то и дело повторял он.

Послевкусие безвкусия

Вернувшись из телестудии, Елена поспешила под горячий душ – согреться, так как ее весь вечер лихорадило от едва сдерживаемого раздражения, и отмыться от липких взглядов и слов. Начал интервью телеведущий бодреньким восклицанием: «Как дела? – И тут же ответил сам себе: – Конечно же, прекрасно! Как и должно быть у Леночки Прекрасной!», после чего девушке пришло в голову, что ее как Царевну-лягушку привезли в коробчонке на смотрины в царский дворец и теперь ждут, как она станет надувать щеки и квакать. А потом в пляс пустится с реальным Иван-царевичем, рукавами помашет и озерцо с белыми лебедями соорудит. «Уж лучше кости из рукава разбрасывать. До чего же мерзок этот клоун с микрофоном! («Что высоко у людей, то мерзость пред Богом» – истинно так!) Просто салют восторгов и экспромтов, а на роже написано: пошляк и лжец! Интересно, какой портрет сделал бы с него Моды? А стал бы он его рисовать?» Всё это пронеслось вихрем у нее в голове, и Елена Прекрасная, как записной ханжа, так же фальшиво ответила:

– Вашими молитвами!

Прямо скажем, не радостные чувства вкусила Лена в миг рецидива славы, совсем не праздничные и уж вовсе не девичьи. Как далеки они были от ощущений, испытываемых в аналогичном случае прожженными мэтрами, полвека оттянувшими ляжку на ниве лицедейства, плавающими в лицемерии, как рыба в воде, и смотрящими на «земное» с нескрываемой насмешкой! Похоже, старания тетушки не прошли даром, научили девицу-красавицу трезвому взгляду на жизнь, буквально в последний момент уберегли ее от махровой «звездности», уже опробованной и такой притягательно сладкой. Вот только для чего научили и уберегли?

Лена долго не могла отделаться от гадливого чувства при воспоминаниях о вечере. И дело было не только в нечистоте места и нечистоплотности его обитателей. Ей казалось, что служители телевизионного культа и статисты состояли сплошь из завистливых глаз и лицемерных слов и только ждали удобного момента, чтобы цапнуть больнее и отравить ядом. Она вспомнила, как однажды, прогуливаясь по берегу озера, наткнулась на гадюку, свернувшуюся в знак бесконечности – обманчивый покой! В любой момент змея готова была неуловимым броском нарушить эту иллюзию вечности и превратить ее в ничто. «Да-да, гадюки, одни гадюки!» – думала Лена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.